

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2026, Том 14, № 2 / 2026, Vol. 14, Iss. 2 <https://mir-nauki.com/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/14PSMN226.pdf>

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Андронникова, О. О. Структурно-уровневая модель личности в ситуации психической травмы /
О. О. Андронникова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2026. — Т. 14. — № 2. — URL:
<https://mir-nauki.com/PDF/14PSMN226.pdf>.

For citation:

Andronnikova O.O. Structural-level model of personality in the context of psychic trauma. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2026;14(2): 14PSMN226. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/14PSMN226.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 159.923

Андронникова Ольга Олеговна

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск, Россия

Декан факультета «Психологии»

Кандидат психологических наук, доцент

E-mail: andronnikova_69@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=260134

Структурно-уровневая модель личности в ситуации психической травмы

Аннотация. В статье предлагается структурно-уровневая модель личностной организации в ситуации психической травмы, разработанная в рамках системного подхода. Личность рассматривается как сложная, открытая, многоуровневая и самоорганизующаяся система, устойчивость которой определяется не суммой отдельных свойств, а конфигурацией межуровневых связей. Цель статьи — теоретически обосновать модель личности, позволяющую описывать травму не как локальное нарушение отдельных психических функций, а как фактор системной дестабилизации и перестройки целостной организации личности. Методологическую основу составляют общая теория систем Л. фон Берталанфи, уровневые концепции личности Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, кибернетический принцип обратной связи Н. Винера, регуляторные модели С. Carver и М. Scheier, метасистемный подход А.В. Карпова, а также когнитивные, нарративные и смысловые модели травмы R. Janoff-Bulman, A. Ehlers, D.M. Clark, C.R. Brewin, D.P. McAdams, Д.А. Леонтьева. В статье выделяются пять координированных уровней анализа личности: элементный, компонентный, подсистемный, системный и надсистемный. Показано, что предложенная модель позволяет интегрировать биологический, психологический и социально-культурный планы анализа травмы в единую теоретическую схему. Научная новизна работы состоит в концептуализации личности в ситуации травмы как многоуровневой системы, способной при сильной дестабилизации переходить в различные устойчивые режимы функционирования. Теоретическая значимость статьи заключается в создании концептуальной основы для дальнейшей операционализации уровней личности, анализа межуровневой динамики и описания посттравматических устойчивых режимов межуровневой организации.

Ключевые слова: личность; психическая травма; системный подход; структурно-уровневая модель; идентичность; виктимность; резилентность; посттравматический рост

Введение

Проблема личности в ситуации психической травмы занимает центральное место в современной психологии, поскольку травматическое событие затрагивает не только эмоциональное состояние человека, но и более глубокие уровни его психической организации: базовые убеждения, идентичность, систему отношений с миром, способы саморегуляции и жизненного самоопределения [1]. В этом смысле травма выступает не как локальное нарушение отдельных психических функций, а как событие, способное дестабилизировать целостную организацию личности и инициировать ее системную перестройку [1–3].

Современные исследования показывают, что последствия травмы не исчерпываются клинической симптоматикой. Наряду с дезадаптивными вариантами возможны устойчивое восстановление и качественная личностная трансформация. Следовательно, один и тот же класс событий может приводить к различным психологическим исходам, что требует модели, объясняющей не только факт нарушения, но и вариативность последующей реорганизации личности [4–6].

При этом существующие подходы к анализу травмы и ее последствий во многом остаются фрагментарными. Клинические и когнитивные модели детально описывают переработку травматического опыта, механизмы угрозы и поддержания симптоматики, но чаще сосредоточены на отдельных процессах [3; 4]. Системные и контекстуальные подходы, напротив, акцентируют роль среды, отношений и культурных условий, но не всегда предлагают развернутую модель внутренней организации личности как многоуровневой системы. В результате сохраняется дефицит теоретических схем, позволяющих одновременно удерживать биологический, психический, смысловой и социокультурный планы анализа [6–8].

В этой связи методологически продуктивным представляется обращение к системному подходу. В их логике личность может рассматриваться как сложная, открытая, многоуровневая и саморазвивающаяся система, а травма — как сильный дестабилизирующий фактор, нарушающий сложившуюся координацию ее уровней. Такая перспектива позволяет перейти от описания отдельных симптомов и факторов к анализу целостной организации личности в ситуации травмы.

Цель статьи — теоретически обосновать структурно-уровневую модель личности в ситуации психической травмы. Это определяет задачи данной статьи, заключающиеся в: (1) определении методологических оснований системного понимания личности в ситуации травмы; (2) обосновании необходимости структурно-уровневого анализа понимания личности; (3) описании пятиуровневой модели личности; раскрытии объяснительного потенциала данной модели для исследования посттравматической динамики.

Следует подчеркнуть, что сама идея структурно-уровневой организации личности имеет в психологии глубокую традицию: от топической модели З. Фрейда [9] и аналитической архитектуры К. Юнга [10] до отечественных уровневых концепций К.К. Платонова [11], Б.Г. Ананьева [12], Б.Ф. Ломова [13], В.С. Мерлина [14], а также модели интеллектуального опыта М.А. Холодной [15]. Все эти концепции, однако, разрабатывались в логике статической дифференциации компонентов и не были специально ориентированы на анализ динамики личности в условиях системной дестабилизации. Новизна предлагаемой модели состоит не в самом факте уровневой стратификации, а в трёх взаимосвязанных моментах: (1) в смещении единицы анализа с уровня как такового на межуровневую координацию как системообразующий параметр; (2) во введении регуляторного контура (петли обратной связи) как объяснительного механизма перехода между устойчивыми конфигурациями; (3) в концептуализации трёх посттравматических исходов — виктимизации, резильентности и посттравматического роста — не как разных степеней тяжести симптомокомплекса, а как качественно различных устойчивых режимов межуровневой организации.

Теоретико-методологические основания системного анализа личности в ситуации травмы

Прежде чем перейти к описанию методологических оснований и уровней модели, необходимо явно зафиксировать рабочее понимание личности, принятое в настоящей работе. Мы исходим из широкой системно-интегративной трактовки, восходящей к Б.Г. Ананьеву [12] и Б.Ф. Ломову [13], согласно которой личность понимается как высший интегративный уровень организации человека, обеспечивающий целостность субъекта в единстве его природных, психических и социокультурных характеристик. В отличие от узкой трактовки, ограничивающей личность совокупностью социально обусловленных качеств, принятое в работе определение позволяет рассматривать в составе личностной организации не сами по себе биологические или операциональные характеристики, а способ их включения в целостную систему самоорганизации субъекта. В этой логике элементный и компонентный уровни входят в модель не как «биология» или «когниция» сами по себе, а как условия и средства, через которые реализуется личностная регуляция и саморегуляция. Иными словами, в предлагаемой модели личность — это не «верхний этаж», надстроенный над психикой, а системообразующий способ организации всех уровней, обеспечивающий устойчивость субъекта во времени и в отношениях с миром.

Теоретическое осмысление личности в ситуации психической травмы требует такой рамки, которая позволяла бы преодолеть редукционизм, характерный для многих исследований травмы. В значительной части клинико-психологических моделей последствия травматического события описываются через симптомокомплексы, нарушения аффективной регуляции, когнитивные искажения или особенности переработки памяти [7; 8]. Однако подобные модели чаще фиксируют отдельные механизмы травматизации, а не ту целостную организацию личности, в пределах которой эти механизмы возникают, закрепляются и приобретают устойчивость. В результате сама личность нередко остается фоном, на котором разворачиваются посттравматические процессы, но не становится предметом целостного теоретического анализа. Между тем именно личностный уровень позволяет объяснить, почему сходные по интенсивности и содержанию травматические события приводят к различным последствиям — от хронической дезадаптации до устойчивого восстановления и посттравматического роста.

В этой связи требуется такая методологическая рамка, которая позволяла бы одновременно удерживать несколько принципиально важных положений: во-первых, личность представляет собой целостное образование, не сводимое к сумме отдельных психических функций; во-вторых, эта целостность имеет внутренне дифференцированную, иерархически организованную структуру; в-третьих, личность существует не изолированно, а в постоянном обмене с социальной, культурной и институциональной средой; в-четвертых, в условиях травмы изменения носят не линейный, а системный характер, затрагивая как отдельные уровни организации, так и связи между ними. Именно поэтому в качестве базовой методологической перспективы в настоящей работе избирается системный анализ личности, дополненный метасистемной и кибернетической оптикой.

Исходным методологическим основанием системного подхода выступает общесистемный принцип, согласно которому сложный объект должен рассматриваться как целостная, открытая и иерархически организованная система, свойства которой не сводимы к сумме составляющих ее элементов.

Это положение восходит к общей теории систем Л. фон Берталанфи [16]. Для психологии личности оно особенно важно, поскольку позволяет рассматривать личность не как набор черт, функций или реакций, а как системное образование, обладающее собственной архитектурой, внутренними уровнями организации, механизмами устойчивости и возможностями самоизменения.

В отечественной психологии системная логика анализа личности последовательно развивалась в работах Б.Г. Ананьева [12], Б.Ф. Ломова [13], В.С. Мерлина [14] и А.В. Карпова [17]. Б.Г. Ананьев рассматривал личность как высший уровень организации человека, интегрирующий природные, психические и социальные характеристики [12]. Б.Ф. Ломов подчеркивал, что психическое существует как целостность лишь во множестве внутренних и внешних отношений [13]. Из этого следует, что ни одно личностное свойство не может быть адекватно понято вне системы связей, в которую оно включено. Для психологии травмы это имеет особое значение: травматическое событие никогда не является только внешним воздействием, а его последствия не исчерпываются внутренней реакцией субъекта. Травма всегда опосредована системой отношений личности с собой, с другими людьми, с культурными нормами, с жизненными перспективами и с образом мира. Следовательно, анализ личности в ситуации травмы должен включать не только описание внутренних психических изменений, но и рассмотрение того, как трансформируется сама система связей, поддерживающая личностную целостность.

В.С. Мерлин, разрабатывая концепцию интегральной индивидуальности, показал, что устойчивое состояние человека формируется как результат связи различных уровней, а не выражение одного фактора [14]. Хотя данная концепция изначально не создавалась как модель травматической динамики, ее методологическая ценность заключается в признании того, что устойчивые состояния человека формируются не на каком-то одном уровне, а как результат согласования между ними. Это положение оказывается принципиально важным для нашей концепции, поскольку позволяет рассматривать последствия травмы как результат нарушения или перестройки межуровневой координации.

Вместе с тем классические уровневые модели, при всей их эвристической значимости, не в полной мере отвечают на вопрос о том, каким образом происходит переход личности из одного устойчивого состояния в другое. Они хорошо описывают архитектуру организации, но в меньшей степени раскрывают механизмы динамики, особенно в кризисных и пограничных состояниях, когда система утрачивает прежнее равновесие. Для преодоления этого ограничения необходимы подходы, позволяющие анализировать не только уровни как таковые, но и процессы управления, обратной связи, саморегуляции и самоорганизации.

Такую перспективу открывает кибернетическая и регуляторная методология. Принцип обратной связи, восходящий к Н. Винеру [18] и развитый в психологических моделях саморегуляции С. Carver и М. Scheier [19], позволяет рассматривать личность как систему, поддерживающую устойчивость через сопоставление текущего состояния с целями, стандартами и требованиями среды. В ситуации травмы именно эти контуры согласования нарушаются: травматический опыт разрушает прежние стандарты предсказуемости, безопасности и контроля, вследствие чего система утрачивает способность поддерживать внутреннюю согласованность.

Значимое уточнение данной логики дает метасистемный подход А.В. Карпова, согласно которому система психики может включать в свою организацию внешние по происхождению регуляторы [17]. Это особенно важно для понимания тех уровней личности, на которых социальные нормы, культурные ожидания, семейные сценарии и институциональные требования становятся внутренними средствами самоуправления. Тем самым анализ травмы требует учета не только внутриспихических процессов, но и того, как внешняя социальная детерминация преобразуется во внутреннее содержание личности.

Важную роль в обосновании предлагаемой модели играют полевая и контекстуальная логика К. Левина, теория взаимного детерминизма А. Бандуры [20] и экологический подход У. Бронфенбреннера [21]. Эти концепции сходятся в признании того, что личность не может быть понята вне системы взаимодействия со средой.

Последствия травмы формируются не только как реакция на событие, но и как результат его включения в отношения, коммуникацию, культурные нормы и институциональные практики.

Решающую роль в переходе от описания травмы как внешнего воздействия к анализу ее внутренней переработки сыграли когнитивные, смысловые и нарративные модели. Концепция R. Janoff-Bulman [2] показала, что травма разрушает базовые допущения о мире и о себе. А. Ehlers и D.M. Clark раскрыли роль негативной оценки травмы и нарушенной организации памяти в поддержании ощущения актуальной угрозы [7]. C.R. Brewin, T. Dalgleish и S. Joseph связали травматическую симптоматику с недостаточной интеграцией пережитого опыта в доступные для произвольного воспроизведения формы репрезентации [8]. В нарративной модели D.P. McAdams личность понимается как автобиографическая система, а травма — как событие, способное нарушить связность жизненного повествования и устойчивость идентичности [22]. В отечественной психологии близкую линию развивает Д.А. Леонтьев, рассматривающий личность через призму смысловой регуляции и внутреннего мира как иерархически организованной системы смыслов, ценностей и отношений.¹

Наконец, данные о вариативности посттравматических траекторий требуют выхода за пределы линейных причинно-следственных схем. В исследованиях G.A. Bonanno с коллегами показано, что травма не предопределяет однозначно ни деструктивный распад, ни посттравматический рост личности [4]. Сходные по смыслу положения содержатся в работах A.S. Masten, рассматривающей резильентность как результат работы адаптивных систем развития [5]. Современный систематический обзор S.K. Schäfer и соавт. дополнительно показывает, что устойчивость после кризисов зависит от сочетания индивидуальных, социальных и общественных факторов, а значит требует многоуровневой модели анализа [6].

Это делает необходимым обращение к системно-динамической перспективе, в которой устойчивое поведение сложной системы понимается как результат координации множества переменных. В рамках системного подхода [23; 24] показано, что в сложных многоуровневых системах устойчивость определяется не свойствами отдельных элементов, а действием высокоуровневых интегративных параметров, координирующих работу системы в целом. В работах A. Nowak и R. Vallacher устойчивые психологические состояния трактуются как самоорганизующиеся режимы функционирования, возникающие в результате повторяющихся паттернов взаимодействия когниций, аффектов, поведения и социальной обратной связи [25].

Таким образом, методологически оправданной оказывается модель, которая объединяет уровневую архитектуру личности, регуляторную логику обратной связи, смысло-нарративный контур интеграции опыта и включенность личности в социально-культурные контексты. Именно на этой основе может быть обоснована структурно-уровневая модель личности в ситуации травмы.

Структурно-уровневая модель личности в ситуации психической травмы

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет рассматривать личность в ситуации психической травмы как сложную, открытую, иерархически организованную и самоорганизующуюся систему, устойчивость которой определяется не отдельными свойствами или функциями, а конфигурацией межуровневых связей. В рамках данного подхода травматическое событие выступает не как локальный стрессор, воздействующий на изолированные психические механизмы, а как системный дестабилизатор, нарушающий сложившийся режим

¹ Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Смысл, 2019. — 566 с.

координации между уровнями личностной организации. Соответственно, последствия травмы целесообразно описывать не только в категориях симптомов, нарушений или ресурсов, но и в терминах перехода системы в новое относительно устойчивое состояние [12; 17; 23].

Методологически такая трактовка опирается на системный принцип иерархичности и многоуровневой организации сложных объектов, согласно которому устойчивость системы задается характером согласования между ее компонентами и уровнями, а при сильном возмущении возможен переход в иной устойчивый режим функционирования. В этом смысле в настоящей работе используется понятие устойчивой конфигурации межуровневых связей — относительно стабильного режима функционирования личности, к которому система возвращается при определенном характере межуровневой координации, обратных связей и смысловой организации опыта. Такая трактовка согласуется с логикой системного подхода в психологии, представленной в работах [23–25], где устойчивые психологические состояния понимаются как результат самоорганизации множества взаимосвязанных процессов в многоуровневой системе.

В отличие от моделей, локализирующих психическую травму на уровне отдельных реакций — аффективных, когнитивных, поведенческих или нейрофизиологических, — предлагаемый подход исходит из того, что травма затрагивает всю структуру личности. Это связано с тем, что травматическое событие способно нарушать базовые допущения о мире и о себе (R. Janoff-Bulman [2]), дестабилизировать контуры саморегуляции (C. Carver, M. Scheier [19]), подрывать нарративную связность жизненного опыта (D.P. McAdams [22]), активировать устойчивое ощущение актуальной угрозы (A. Ehlers, D.M. Clark [7]) и закрепляться в системе социальных отношений, ролей и культурных сценариев (G. Bateson [26], M. Bowen [27], C.N. Wieseppare [28]). Следовательно, для описания последствий травмы необходима такая модель личности, которая одновременно удерживала бы биологические основания функционирования, операциональные механизмы переработки опыта, регуляторные подсистемы, интегративное ядро личности и ее включенность в более широкие социальные и культурные контексты.

В рамках модели мы выделяем пять координированных уровней: элементный, компонентный, субсистемный, системный и надсистемный. Их выделение строится по принципу функциональной иерархии: нижележащие уровни задают условия и материал функционирования, вышележащие обеспечивают интеграцию, координацию и смысловую организацию.

1. Элементный уровень включает биологические, нейрофизиологические и психофизиологические параметры, задающие энергетические, реактивные и пороговые условия функционирования личности. Его выделение опирается на общую логику уровневого анализа человека в работах Б.Г. Ананьева и В.С. Мерлина, согласно которой психические и личностные свойства не существуют вне своих природных оснований [12; 14]. Данный уровень включается в модель личности не сам по себе, а в той мере, в какой он опосредуется и регулируется вышележащими уровнями интеграции.

В контексте травмы этот уровень задает параметры реактивности системы: интенсивность вегетативного возбуждения, чувствительность к угрозе, особенности стрессового ответа и скорость восстановления. Тем самым элементный уровень выступает как уровень базовых условий, повышающих или снижающих вероятность закрепления определенных когнитивно-аффективных и регуляторных конфигураций.

2. Компонентный уровень включает относительно устойчивые операциональные единицы, через которые реализуется повседневная регуляция поведения и переживания: когнитивные схемы, базовые убеждения, эмоциональные паттерны, привычные способы интерпретации событий и поведенческие стереотипы.

Если элементный уровень задает параметры реактивности, то компонентный определяет непосредственную «технику» психологического реагирования.

Его выделение согласуется с когнитивной традицией А. Beck [29], рационально-эмотивной моделью А. Ellis [30], подходом W. Mischel и Y. Shoda [31], а также контекстуально-поведенческой логикой S. Hayes [32]. В ситуации травмы именно на этом уровне закрепляются повторяющиеся связки типа «сигнал — интерпретация — аффект — действие», которые могут поддерживать как дезадаптацию, так и более гибкие формы совладания.

3. Субсистемный уровень представляет собой уровень базовых регуляторных подсистем: когнитивной, эмоциональной, мотивационной и волевой. Его методологическое значение определяется тем, что именно здесь обеспечивается функциональное единство психической деятельности [19].

Когнитивная подсистема отвечает за построение репрезентаций, оценку ситуации и переработку опыта. Эмоциональная — за аффективную мобилизацию, маркировку значимости и регуляцию переживаний. Мотивационная — за направленность, цели и приоритеты. Волевая — за удержание намерения, контроль импульсов и организацию действия. В ситуации травмы особое значение приобретает не только состояние каждой подсистемы в отдельности, но и степень их согласованности или дисбаланса.

4. Системный уровень представляет собой интегративное ядро личности, на котором формируются идентичность, Я-концепция, ценностно-смысловая система, ведущие жизненные цели и жизненная позиция. Именно этот уровень обеспечивает относительную устойчивость личности как субъекта собственной жизни и выступает внутренней системой координат для интерпретации опыта и организации саморегуляции.

Теоретическим основанием его выделения служат представление Б.Г. Ананьева [12] о личности как высшем уровне организации человека, метасистемная логика А.В. Карпова [17], концепция смысловой регуляции Д.А. Леонтьева и нарративной идентичности D.P. McAdams [22]. В ситуации травмы именно системный уровень оказывается в зоне наиболее глубокого кризиса: под сомнение ставятся непрерывность Я, базовые ценности, доверие к себе и миру, а также связность жизненной истории.

5. Надсистемный уровень представляет собой уровень связи личности с более широкими социальными, культурными, семейными и институциональными системами, а также уровень внутреннего присутствия этих систем в форме интернализованных норм, ролей, ценностей и нарративов. Его выделение опирается на идеи Б.Ф. Ломова [13], К. Левина, А. Бандуры [20], У. Бронфенбреннера [21], а также семейно-системные и коммуникативные концепции.

Этот уровень позволяет объяснить, каким образом внешняя детерминация превращается во внутреннее психологическое содержание. В ситуации травмы надсистемный уровень особенно важен, поскольку именно через него задаются формы интерпретации пережитого, характер социальных обратных связей, а также степень поддержки или повторной травматизации.

Объяснительный потенциал модели

Выделение пяти уровней не означает их автономного существования. Напротив, личность как система возникает только в процессе их координации. Элементный уровень задает энергетические и реактивные условия, компонентный — непосредственные правила переработки опыта, субсистемный — регуляторные контуры, системный — идентификационную и смысловую интеграцию, надсистемный — включенность личности в более широкие социальные образования [18; 19].

В норме межуровневая организация обладает относительной иерархичностью: нижележащие процессы обеспечивают материал и условия функционирования, вышележащие — координируют, интерпретируют и направляют их. Однако эта иерархия не является жестко линейной. Воздействия распространяются как снизу вверх, так и сверху вниз. Так, физиологическая перегрузка может сузить пространство когнитивной переработки и нарушить произвольный контроль. И наоборот, устойчивые ценности, жизненные цели и поддерживающие социальные связи могут модулировать эмоциональную регуляцию и расширять поведенческий репертуар [2; 7; 8]. Подобная двунаправленность хорошо согласуется с кибернетическим принципом обратной связи и системно-динамической логикой взаимной координации.

Именно эта координация делает возможным понимание травмы как системного события. Нарушение может возникать на любом уровне, но его психологический эффект определяется тем, как оно распространяется по вертикали и как изменяет конфигурацию связей между уровнями. Благодаря этому структурно-уровневая модель позволяет преодолеть редукцию травмы либо к биологической реакции, либо к когнитивным искажениям, либо к кризису идентичности, либо к социальному факту. Она удерживает их как взаимосвязанные планы единой организации личности [23; 25].

Исходя из изложенного, личность в ситуации травмы может быть определена как многоуровневая самоорганизующаяся система, способная при сильной дестабилизации переходить в различные относительно устойчивые режимы функционирования. Эти режимы различаются не одним признаком и не отдельным показателем, а целостной конфигурацией межуровневой организации. Именно поэтому в настоящей работе вводится понятие устойчивой конфигурации межуровневых связей — концептуально-методологической категории, позволяющей описывать посттравматическую устойчивость не как статичность, а как воспроизводимость определенного режима межуровневой координации. Предлагаемая модель описывает не только архитектуру личности, но и задает основу для анализа устойчивых режимов ее функционирования после травматической дестабилизации. Подробное раскрытие конкретных режимов выходит за рамки настоящей статьи и составляет предмет самостоятельного анализа.

Отметим, что в качестве устойчивых режимов функционирования, возникающих в результате посттравматической динамики, мы выделяем три принципиально разных вектора: виктимность, резильентность и посттравматический рост. Виктимность представляет собой дезадаптивный режим, при котором межуровневая координация стабилизируется вокруг переживания собственной уязвимости, бессилия и зависимого положения по отношению к травматическому миру [33]. Резильентность описывает режим устойчивой адаптации, при котором система либо сохраняет, либо быстро восстанавливает целостность без глубокого структурного распада [34]. Посттравматический рост представляет собой режим качественной перестройки, при котором кризис приводит к трансформации смысловой организации, идентичности и отношения к жизни [4; 22].

Предложенная модель обладает рядом преимуществ. Во-первых, она объединяет биологический, психологический и социокультурный планы анализа в единую схему. Во-вторых, она позволяет описывать травму как кризис целостности личности, а не как сумму нарушений. В-третьих, она задает основу для операционализации уровней личности и дальнейшего эмпирического исследования межуровневых связей. В-четвертых, она открывает возможность описывать посттравматическую динамику в терминах устойчивых режимов системной организации.

Хотя предлагаемая модель имеет теоретико-методологический характер, её положения опираются на накопленный массив эмпирических данных. Многоуровневость посттравматической динамики подтверждается систематическим обзором S.K. Schäfer и соавт. [6], показавшим, что устойчивость после кризисов закономерно зависит от сочетания индивидуальных, социальных

и общественных факторов — что соответствует выделенным в модели элементному, системному и надсистемному уровням. Эмпирическая обоснованность трёх посттравматических режимов подкрепляется работами G.A. Bonanno [4], зафиксировавшего устойчивые траектории посттравматического восстановления и роста на больших выборках, а также исследованиями нарративной реорганизации опыта у лиц с травматическими расстройствами [28]. Применительно к виктимному режиму операционализация интегративных признаков виктимности была разработана и апробирована на отечественной выборке [35], что обеспечивает эмпирический базис для дальнейшего изучения виктимной устойчивой конфигурации. Резильентный режим имеет развёрнутое эмпирическое описание в отечественной литературе [36]. Тем самым предлагаемая модель не сводится к умозрительному построению, а ассимилирует уже накопленные эмпирические данные, интерпретируя их в логике межуровневой координации. Кроме того — данная модель не отменяет значения частных клинических и когнитивных моделей.

Заключение

В статье была предложена структурно-уровневая модель личности в ситуации психической травмы, основанная на системном подходе. Проведенный теоретический анализ показывает, что личность целесообразно рассматривать как сложную, открытую, иерархически организованную и самоорганизующуюся систему, устойчивость которой обеспечивается координацией биологических, операциональных, регуляторных, смысловых и социокультурных уровней.

Обоснована необходимость пятиуровневой модели, включающей элементный, компонентный, субсистемный, системный и надсистемный уровни. Такая структура позволяет описывать травму не как локальное нарушение отдельных психических функций, а как фактор системной дестабилизации, затрагивающий целостную организацию личности и нарушающий конфигурацию межуровневых связей. Благодаря этому появляется возможность преодолеть редукцию травматического опыта либо к биологическим реакциям, либо к когнитивным искажениям, либо к кризису идентичности, либо к чисто социальному влиянию.

В соответствии с задачами, поставленными во введении, в статье получены следующие результаты. Во-первых, обоснованы методологические основания системного понимания личности в ситуации травмы: интеграция общесистемного принципа Л. фон Бергаланфи, отечественной уровневой традиции (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин), кибернетико-регуляторной логики (Н. Винер, С. Carver, М. Scheier) и метасистемного подхода А.В. Карпова позволяет рассматривать личность как сложную, открытую, иерархически организованную и самоорганизующуюся систему. Во-вторых, обоснована продуктивность структурно-уровневого анализа применительно к травматическому опыту: показано, что фрагментарные модели травмы не позволяют объяснить вариативность посттравматических траекторий, тогда как уровневая организация личности задаёт целостную рамку для такого объяснения. В-третьих, описана пятиуровневая модель личности с раскрытием функционального вклада каждого уровня и принципа межуровневой координации. В-четвёртых, раскрыт объяснительный потенциал модели: травма концептуализируется как фактор системной дестабилизации, а различия в посттравматических исходах (виктимизация, резильентность, посттравматический рост) — как переходы системы в качественно различные устойчивые режимы межуровневой организации.

Предлагаемая модель обладает рядом теоретических преимуществ. Во-первых, она объединяет биологический, психологический и социально-культурный планы анализа в рамках единой схемы. Во-вторых, она позволяет описывать последствия травмы в терминах не только

нарушений, но и устойчивых режимов функционирования личности. В-третьих, она создает концептуальную основу для дальнейшей операционализации уровней личности, исследования межуровневой динамики и анализа посттравматических устойчивых режимов функционирования личности.

Прикладная значимость предложенной модели связана с возможностью её использования в нескольких направлениях практики: в диагностике посттравматических состояний — за счёт перехода от симптом-ориентированной оценки к оценке конфигурации межуровневых нарушений; в психотерапевтической работе — за счёт уровня определения мишеней интервенций (биологический, когнитивно-операциональный, регуляторный, смысловой и социокультурный планы); в превентивной работе с виктимностью и в программах посттравматического сопровождения — за счёт описания виктимного, резильентного и посттравматически-ростового режимов как качественно различных мишеней целенаправленного психологического воздействия.

Перспективы дальнейшего исследования включают: операционализацию каждого из выделенных уровней через систему эмпирических индикаторов; разработку диагностического инструментария оценки межуровневой координации; эмпирическую верификацию трёх посттравматических устойчивых режимов на клинических и неклинических выборках; изучение условий и предикторов перехода между ними; разработку уровневой типологии травм и соответствующих программ психологического сопровождения.

Вместе с тем статья носит теоретико-методологический характер и не претендует на эмпирическую верификацию всей модели в её полном объеме. В частности, за пределами настоящего текста остается развернутый анализ механизмов межуровневой динамики и подробное описание конкретных устойчивых режимов функционирования личности после травмы (виктимного, резильентного, посттравматически-ростового). Эти направления представляют собой перспективу дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Neuner, F. Physical and social trauma: Towards an integrative transdiagnostic perspective on psychological trauma that involves threats to status and belonging / F. Neuner // *Clinical Psychology Review*. — 2023. — Vol. 99. — Art. 102219. — DOI 10.1016/j.cpr.2022.102219.
2. Janoff-Bulman, R. *Shattered Assumptions: Towards a New Psychology of Trauma* / R. Janoff-Bulman. — New York: Free Press, 1992. — 256 p.
https://books.google.com/books/about/Shattered_Assumptions.html?id=bfVGAAAAAAAJ.
3. Тарабрина, Н.В. Психология посттравматического стресса: теория и практика / Н.В. Тарабрина. — 2-е изд. — Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. — 304 с. — ISBN 978-5-9270-0143-9. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/88376.html>.
4. Bonanno, G.A. The three axioms of resilience / G.A. Bonanno, M. Westphal // *Journal of Traumatic Stress*. — 2024. — Vol. 37, no. 5. — P. 717–723. — DOI 10.1002/jts.23071.
5. Masten, A.S. *Ordinary Magic: Resilience in Development* / A.S. Masten. — New York: Guilford Press, 2015. — 370 p. — URL: https://books.google.ru/books?id=ZXDpCgAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.

6. Schäfer, S.K. A systematic review of individual, social, and societal resilience factors in response to societal challenges and crises / S.K. Schäfer, M. Supke, C. Kausmann, L.M. Schaubrich, K. Lieb, C. Cohrdes // Communications Psychology. — 2024. — Vol. 2. — Art. 92. — DOI 10.1038/s44271-024-00138-w.
7. Ehlers, A. A cognitive model of posttraumatic stress disorder / A. Ehlers, D.M. Clark // Behaviour Research and Therapy. — 2000. — Vol. 38, no. 4. — P. 319–345. — DOI 10.1016/S0005-7967(99)00123-0.
8. Brewin, C.R. A dual representation theory of posttraumatic stress disorder / C.R. Brewin, T. Dalgleish, S. Joseph // Psychological Review. — 1996. — Vol. 103, no. 4. — P. 670–686. — DOI 10.1037/0033-295X.103.4.670.
9. Фрейд, З. Я и Оно. Москва: Эксмо, 2021. — 188 с. — ISBN: 978-5-17-119240-2 — URL: <https://www.livelib.ru/book/1003625712-ya-i-ono-zigmund-frejd>.
10. Юнг, К.Г. Структура и динамика психического / пер. с англ. — Москва: Когито-Центр, 2008. — 478 с. — ISBN 978-5-89353-230-2 — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004103978>.
11. Платонов, К.К. Структура и развитие личности. Москва: Наука, 1986. — 254 с. — URL: https://books.google.ru/books?id=AmYkAQAAIAAJ&hl=ru&source=gb_s_navlinks_s.
12. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. — Санкт-Петербург: Питер, 2010. — 288 с. — ISBN 978-5-49807-869-4 (в пер.). — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004924058>.
13. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. — Москва: Наука, 1984. — 444 с. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012794731/.
14. Мерлин, В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. — Москва: Педагогика, 1986. — 256 с. — URL: <https://bigenc.ru/b/ocherk-integral-nogo-issled-29735c>.
15. Холодная, М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-ое изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. — 272 с. — ISBN 5-318-00301-X. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000735838>.
16. Бергаланфи, Л. фон. Общая теория систем: критический обзор / Л. фон Бергаланфи // Исследования по общей теории систем: сб. переводов / общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. — Москва: Прогресс, 1969. — С. 23–82. — URL: <https://evolbiol.ru/document/621>.
17. Карпов, А.В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности / А.В. Карпов. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2018. — 744 с. — ISBN 978-5-8397-1139-6 — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009684503>.
18. Novikov, D.A. Cybernetics: From Past to Future / D.A. Novikov. — Cham: Springer, 2016. — 107 p. — DOI: 10.1007/978-3-319-27397-6.
19. Carver, C.S. On the Self-Regulation of Behavior / C.S. Carver, M.F. Scheier. — New York: Cambridge University Press, 1998. — 439 p. — DOI 10.1017/CBO9781139174794.
20. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. — Санкт-Петербург: Евразия, 2000. — 320 с. — ISBN 5-8071-0040-9 — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000689066>.

21. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. — Cambridge: Harvard University Press, 1979. — 352 p. — ISBN 9780674224575. — URL: https://books.google.ru/books/about/The_Ecology_of_Human_Development.html?id=OCmbzWka6xUC&redir_esc=y.
22. McAdams, D.P. Narrative identity / D.P. McAdams, K.C. McLean // Current Directions in Psychological Science. — 2013. — Vol. 22, no. 3. — P. 233–238. — DOI 10.1177/0963721413475622.
23. Haken, H. Synergetics: An Introduction / H. Haken. — Berlin; Heidelberg: Springer, 1983. — 390 p. — DOI 10.1007/978-3-642-88338-5.
24. Kelso, J.A.S. Dynamic Patterns: The Self-Organization of Brain and Behavior / J.A.S. Kelso. — Cambridge, MA: MIT Press, 1995. — 334 p. — URL: https://books.google.ru/books?id=zpiejytkilC&pgis=1&redir_esc=y.
25. Nowak, A. Dynamical Social Psychology / A. Nowak, R.R. Vallacher. — New York: Guilford Press, 1998. — 332 p. — URL: https://books.google.com/books/about/Dynamical_Social_Psychology.html?id=AWQdG2cFNjwC.
26. Bateson, G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology / G. Bateson. — Chicago; London: University of Chicago Press, 2000. — 565 p. — URL: https://books.google.ru/books?id=HewJbnQmnlgC&redir_esc=y.
27. Bowen, M. Family Therapy in Clinical Practice / M. Bowen. — New York: Jason Aronson, 1993. — 584 p. — URL: <https://books.google.ru/books?id=4g7PdF6oW6EC&hl=ru>.
28. Wiesepepe, C.N. Personal narratives in trauma-related disorders / C.N. Wiesepepe, E.A. Smith, A.J. Muth, L.A. Faith // Behavioral Sciences. — 2025. — Vol. 15, no. 2. — Art. 150. — DOI 10.3390/bs15020150.
29. Бек, А. Тревога и беспокойство: когнитивно-поведенческий подход / А. Бек, Д. Кларк. — Москва: Диалектика, 2019. — 448 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010093774>.
1. Ellis, A. Reason and Emotion in Psychotherapy / A. Ellis. — Carol Publishing Group, 1994. — 479 p. — URL: https://books.google.ru/books?id=qHJHAAAAMAAJ&hl=ru&source=gbs_citations_module_r&cad=3.
2. Mischel, W. A cognitive-affective system theory of personality: reconceptualizing situations, dispositions, dynamics, and invariance in personality structure / W. Mischel, Y. Shoda // Psychological Review. — 1995. — Vol. 102, no. 2. — P. 246–268. — DOI 10.1037/0033-295X.102.2.246.
3. Hayes, S.C. Acceptance and Commitment Therapy: An Experiential Approach to Behavior Change / Steven C. Hayes, Kirk D. Strosahl, Kirk Strosahl, Kelly G. Wilson. — Guilford Publications, 2003 — 304 p. — URL: https://books.google.ru/books?id=CTgSzAdxc8cC&redir_esc=y.
4. Андронникова, О.О. Разработка и апробация методики диагностики интегративных признаков виктимности / О.О. Андронникова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т 13. — № 4. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN425.pdf> (дата обращения: 09.03.2026).
5. Селиванова, О.А. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы / О.А. Селиванова, Н.В. Быстрова, И.И. Дереча [и др.] // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т 8. — № 3. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf> (дата обращения: 09.03.2026).

Andronnikova Olga Olegovna

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

E-mail: andronnikova_69@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=260134

Structural-level model of personality in the context of psychic trauma

Abstract. The article proposes a structural-level model of personality in the context of psychic trauma, developed within a systems framework. Personality is conceptualized as a complex, open, multilevel, and self-organizing system whose stability is determined not by the sum of individual traits, but by the configuration of interlevel relationships. The aim of the article is to provide a theoretical substantiation of a personality model that makes it possible to describe trauma not as a local disturbance of isolated mental functions, but as a factor of systemic destabilization and reorganization of the personality as a whole. The methodological foundation includes Ludwig von Bertalanffy's general systems theory, level-based concepts of personality developed by B.G. Ananiev, B.F. Lomov, and V.S. Merlin, Norbert Wiener's cybernetic principle of feedback, the self-regulation models of C. Carver and M. Scheier, A.V. Karpov's metasystem approach, as well as cognitive, narrative, and meaning-centered models of trauma proposed by R. Janoff-Bulman, A. Ehlers, D.M. Clark, C.R. Brewin, D.P. McAdams, and D.A. Leontiev. The article identifies five coordinated levels of personality analysis: elemental, component, subsystem, systemic, and suprasystemic. It is shown that the proposed model makes it possible to integrate the biological, psychological, and sociocultural dimensions of trauma into a unified theoretical framework. The scientific novelty of the study lies in conceptualizing personality in the context of trauma as a multilevel system capable, under conditions of severe destabilization, of transitioning into different stable modes of functioning. The theoretical significance of the article lies in providing a conceptual foundation for the further operationalization of personality levels, the analysis of interlevel dynamics, and the description of posttraumatic stable modes of interlevel organization.

Keywords: personality; psychic trauma; systems approach; structural-level model; identity; victimization; resilience; post-traumatic growth